

Стоило заместителю Сунь Жу приложить должные усилия, как дело в его руках зашпорилось с поразительной быстротой.

Не успели догореть и две ароматические палочки, как он уже вернулся с докладом: этот бездельник Гэ Эрцы, который только и умел, что коптить небо, наконец соизволил продрать глаза после пьянки и напрямик направился в игорный дом «Цзисян», дабы спустить очередную порцию монет.

Однако стоило отряду приготовиться к выступлению, как дежурная стража из караулки умудрилась подвести их в самый ответственный момент.

...Трое стражников самовольно покинули пост и сбежали в ближайший кабак заливать глотки вином.

Сунь Жу пришел в неопишемую ярость и незамедлительно отправил людей на поиски, строго-настрого приказав отыскать беглецов в течение полутора часов и доставить в управу.

Лэ Уя ничуть не беспокоился по этому поводу.

Прямо сейчас именно он держал в руках судьбоносные признательные показания, и именно Сунь Жу из кожи вон лез, дабы угодить своему новому начальнику.

Раз уж дело шло из рук вон плохо, заместитель изнывал от паники куда сильнее, чем сам судья.

Пока разгневанный Сунь Жу всюду распекал и крыл бранью подчиненных, Лэ Уя переоделся в скромное гражданское платье и незаметно выскользнул через задние ворота управы.

Прошлой ночью он до самого рассвета разбирал архивные папки, а потому с утра пораньше, испытывая дикий голод, отправился на поиски съестного и лавки с книгами. По дороге ему как раз повстречались трое нищих.

Двое калек, бережно придерживая под руки окровавленного маленького бродяжку, ковыляли к палатке с паровыми булочками. Расплываясь в шутливых ухмылках, они принялись кланяться еде у торговца, уверяя, что их младший братец избит до полусмерти и ему жизненно необходимы три сытных пирожка.

Продавец, по-видимому, давно и хорошо знал эту парочку. Он с крайним омерзением замахал на них руками, прогоняя прочь:

— Вы двое вечно таскаетесь парой, как неразлучники! С какого перепугу у вас вдруг объявился младший брат, вы его сами, что ли, разродили? А ну пошли вон отсюда, проваливайте! Придете позже, когда народ разойдется, и не смейте околачиваться перед моими знатными гостями!

Бродяги весело отозвались на ругань и, подхватив находящегося без чувств мальчишку, ковыляя и припадая на покалеченные ноги, убрались восвояси.

И в этот раз Лэ Уя отправился на поиски целенаправленно, желая отыскать именно их.

По его собственному опыту, уличные нищие всегда четко делили городскую территорию на зоны влияния и никогда не совались на чужую землю без спроса. А значит, место их постоянного сбора должно было находиться совсем неподалеку от той самой лавки.

К тому же утром Лэ Уя мимоходом разузнал у прохожих, что прежний уездный начальник строго-настрого запретил бродягам сидеть прямо на мостовых главных городских улиц. Стоило стражникам заприметить нарушителя, несчастного тут же волокли в управу и отправляли на каторжные работы.

Именно поэтому Лэ Уя выискивал их исключительно по самым глухим и заброшенным подворотням.

И действительно, довольно скоро он наткнулся на того самого маленького бродяжку с разбитой головой, который бессильно прислонился спиной к кирпичной стене.

Мальчишка устроился на самом выходе из глухого тупика, ловя лицом скудные и бледные лучи послеполуденного зимнего солнца.

Рана на его лбу была наспех замотана каким-то грязным обрывком холстины без малейших следов целебного снадобья, а на спутавшихся волосах запеклась плотная багровая корка льда и крови.

Двое других нищих укрылись в густой тени подворотни.

Оба они были калеками: у одного полностью отсутствовала часть левой ноги, а второй лишился руки. Тем не менее духом они не пали и сейчас, устроившись рядышком в темноте переулка, увлеченно и сосредоточенно вылавливали друг у друга вшей.

После полудня людей на улице поубавилось.

Лэ Уя подошел ближе и, указав на маленького бродяжку, без лишних предисловий бросил:

— Он при смерти.

Нищие переглянулись между собой. На их лицах отразилось удивление, но особой скорби они не выказали.

Однорукий согласно кивнул и безучастно подтвердил:

— Ага, недолго ему осталось.

Лэ Уя прищурился:

— Вы же говорили, что он ваш брат?

Бродяги синхронно вскинули брови, не понимая, чего добивается этот незнакомец.

— Да ладно вам, барин, мы его знать не знаем, — безногий почесал затылок и выложил всю правду. — Малец утром без чувств валялся возле усадьбы великого благодетеля Чэня, ну мы его и подобрали. Вид у него больно жалостливый, рассудили, что с ним подадут побольше. Парень, видать, из беженцев, откуда-то издалека приبلудился. Мы как думали: выкарабкается — пусть живет, а помрет — отнесем на кладбище да закопаем где-нибудь в тихом уголке.

Однорукий, за приметив дорогую одежду Лэ Уя, тут же принялся усердно расхваливать «товар»:

— Господин, проявите милость, сделайте доброе дело! Мальчишка просто истощен да напуган до смерти, раны-то у него пустяковые. Крепкий ведь малый, стоит разок досыта накормить горячей рисовой похлебкой, и он вмиг на ноги встанет.

— Похлебки получит вдоволь, — отрезал Лэ Уя. — Но за это сослужите мне одну службу.

У нищих разом загорелись глаза, и они, кряхтя, кое-как выпрямились:

— Мы к вашим услугам, барин. Велите, что делать.

Лэ Уя в упор посмотрел на них:

— Мертвецов-то не боитесь?

Бродяги мгновенно затихли.

Они сразу почуяли, что дело пахнет жареным.

Безногий криво усмехнулся:

— Боимся, конечно. Кто ж покойников не боится?

Лэ Уя с насмешкой парировал:

— Бывалым солдатам ли мертвецов бояться?

— ...

Смех у нищих как рукой сняло.

Всего за одно мгновение их взгляды стали острыми и колючими.

Лэ Уя лишь едва заметно повел глазами в сторону.

Бродяги тут же проследили за его взором.

Все трое уставились на единственную уцелевшую ногу калеки.

Его обмотки были настолько грязными, что их цвет уже невозможно было разобрать, ткань почти слилась с лохмотьями штанин. Однако это была совершенно четкая, стандартная армейская намотка, какую практиковали младшие воинские чины.

Солдаты бинтовали голени ради одной цели — уменьшить ломоту в мышцах при долгих марш-бросках.

Этот бедолага лишился одной ноги, а потому нагрузка на здоровую возросла вдвое, и он просто физически не мог отказаться от старой армейской привычки.

Если сложить этот факт с их тяжелыми увечьями: оторванной рукой у одного и отрубленной ногой у другого, — для Лэ Уя их подлинная личность стала очевидной.

...Перед ним сидели двое выходцев из военных поселений, которые к тому же подались в бега.

Калеки переглянулись.

Если кто-то донесет на дезертиров, им обоим несдобровать — это верная плаха.

В их душах мгновенно вспыхнула жажда крови. Однорукий незаметно перехватил поудобнее свою верную клюку, у которой нижний конец был наглухо закован в толстый слой железа.

Вот только устраивать резню среди бела дня на глазах у всего города было делом крайне рискованным.

Пока они колебались, Лэ Уя заговорил снова:

— Мне плевать, от какого командира вы сбежали. Отныне вы служите мне, — рубанул он с плеча. — Сделайте то, что скажу. Мальчишку я вылечу, а заодно помогу вам полностью обелить ваши имена и выправить чистые документы в управе.

Оба нищих онемели.

Все это казалось слишком безумным, здесь явно крылся какой-то подвох.

Безногий подобрал под себя уцелевшую ногу, уселся поудобнее и с подозрением спросил:

— С какой стати вам помогать здешней швали?

Лэ Уя ответил без утайки:

— Вижу, что в вас еще осталась мужская верность и капля совести.

Эти двое встретили паренька случайно и, пускай изначально планировали использовать его ради наживы, все же делились с ним куском хлеба. Они усадили его погреться на солнышке перед смертью и готовы были по-человечески похоронить после кончины...

Для беглых преступников, отрезанных от закона, это было верхом благородства.

К тому же сам Лэ Уя объявился в этом мире всего полдня назад, карт у него на руках было кот наплакал, так что приходилось держать ухо востро и переманивать на свою сторону любого, кто хоть на что-то годился.

Судя по его утренним наблюдениям, пускай заместитель Сунь Жу и подмял под себя весь уезд Наньтин, мелкие клерки из строительного и налогового приказов лезть в эти политические игры особо не горели.

Они не принимали сторону Сунь Жу, но и к новому судье на поклон не спешили, предпочитая со стороны наблюдать за схваткой со скрещенными на груди руками.

У Лэ Уя не нашлось бы весомых козырей, способных завлечь этих осторожных обывателей. А потому оставалось лишь идти напролом, искать тех, кому можно предложить то, от чего невозможно отказаться.

К счастью, старый проверенный метод, намертво прижать человека компроматом, а затем пообещать щедрую награду за верность, безотказно работал со всеми: от высокопоставленных

принцев до последних уличных бродяг.

Раздав калекам четкие указания, Лэ Уя неторопливым шагом двинулся обратно к уездной управе.

Из-за того, что Вэньжэнь Юэ в обычное время вел себя излишне неприметно и не имел никакого авторитета, в уездной управе никто даже не заметил, что господин судья отлучался на некоторое время.

К этому моменту заместитель Сунь Жу уже успел собрать людей. Пятеро дежурных стражников стояли в неровном ряду, переминаясь с ноги на ногу. От троих, что были постарше, все еще отчетливо несло хмельным перегаром от недопитого вина.

Завидев приближающегося Лэ Уя, Сунь Жу торопливо подбежал к нему с докладом:

— Господин судья, люди собраны.

Лэ Уя никак не отреагировал на его слова, зато пятеро стражников одновременно вздрогнули от неожиданности.

Те трое, что изо всех сил пытались изобразить глубокое пьяное беспамятство, слегка приоткрыли отвисшие веки и с крайним изумлением и подозрением переглянулись между собой.

Неужто заместитель Сунь сегодня с утра белены объелся?

Лэ Уя вальяжно и залихватски взмахнул рукой, всем своим видом демонстрируя небывалый подъем духа:

— Выдвигаемся. Захватите побольше кандалов и цепей, Ваш судья сегодня лично поведет вас на патрулирование улиц.

В этот момент Лэ Уя откровенно упивался своим триумфом.

Насколько сильно он в прошлой жизни страдал и унывал, когда его зрение стало стремительно угасать, лишив возможности натягивать тугой боевой лук, настолько же сильно он хорохорился и победно задирал нос прямо сейчас.

Пятеро стражников покорно брели следом за его конем, однако в головах у них царила полнейшая неразбериха.

Их судья всегда был сугубо гражданским чиновником. Если ему изредка и доводилось выбираться в город ради патрулирования, он неизменно выходил налегке, дабы просто приглядеться к нуждам простого люда да проверить цены на рынке. С какой стати сегодня он нацепил на себя полное боевое снаряжение?

На улицах, как и всегда, околачивалось немало праздных бездельников, которым только дай повод поглазеть на чужую беду, а потому они двинулись следом за кавалькадой, неотступно следуя за ними по пятам.

Стражники порывались было прогнать зевак прочь, однако Лэ Уя строго-настрого запретил им делать это.

В итоге по пути их следования толпа любопытных разрасталась все сильнее, пока вся эта процессия наконец не замерла у задних дверей игорного дома «Цзисян».

Прикрываясь обычным уличным патрулированием, Лэ Уя за это время успел досконально изучить расположение всех здешних входов и выходов.

Он запустил руку в седельную сумку, с глухим металлическим лязгом выудил оттуда массивный латунный замок и на редкость шустро и ловко запер задние двери снаружи.

Пятеро стражников онемели от такой прыти.

Лэ Уя указал пальцем на двоих из них:

— Вы двое остаетесь здесь. Не спускать с дверей глаз.

После чего вновь взмахнул рукой:

— Остальные — за мной.

К этому моменту даже собравшаяся вокруг толпа прекрасно поняла, против кого именно уездный судья разворачивает свои пушки, что уж говорить о самих стражниках.

...Они никак не могли взять в толк: это их начальник перебрал лишнего или же они сами до сих пор не протрезвели?

Один из самых старых стражников, едва поспевая за скачущим впереди Лэ Уя, бежал мелкой рысцой и, тяжело дыша, решился подать голос:

— Господин судья... Неужто вы удумали разгромить это заведение?

Лэ Уя с высоты седла мимоходом глянул на него и с усмешкой парировал:

— А не то мне прикажешь разгромить твой собственный дом?

Служащий мгновенно покрылся холодным потом, до глубины души пожалев, что вообще вызвался сегодня на дежурство.

В обычное время они частенько кормились с рук мясника Ли Асы, получая от него немалые подношения, и теперь вот так запросто, среди бела дня завалиться к нему с обыском и крушить его добро было делом крайне...

Высказать мысль слишком явно он не посмел, а потому лишь приглушенно пробормотал:

— Судья, но ведь... ведь это совершенно не по правилам.

Лэ Уя отрезал:

— В чиновничьем мире старший ранг всегда имеет абсолютную власть над младшим. На сколько чинов я стою выше тебя?

Он пришпорил коня, даже не обернувшись на его слова:

— Или тебе окончательно опостылела твоя служба в управе, и ты свято веришь, будто этот богатеи Ли из великого сострадания примет тебя к себе в усадьбу обычным дворовым псом-охранником?

Стражник мысленно разразился грязными проклятиями, однако возразить на это ему было абсолютно нечего.

Начальник зрил в самую суть.

Ли Асы заискивал перед ними и осыпал монетами лишь потому, что ценил их официальный статус в управе, способный обеспечить его грязным делам хоть какую-то защиту.

Стоит лишиться судейского платья, и ты в тот же миг превратишься в самого обычного деревенского мужика, который этому мяснику Ли ни в одном колене родней не приходился. И кто поручится, что в тот день богатеи снизойдет до того, чтобы хотя бы мельком взглянуть на тебя?

И пускай они были всего лишь простыми стражниками, но за долгие годы службы в судебных застенках отлично научились читать чужие мысли по выражению лиц.

Прежний судья Вэньжэнь и раньше порывался устроить облаву на здешние притоны, однако тогда заместитель Сунь Жу на корню пресекал все его попытки, попросту отказывая в людях, отчего начальнику волей-неволей приходилось отступать.

Но сегодня Сунь Жу самолично, в дикой спешке разыскал их по всему уезду и буквально силой вытолкал следом за судьей. А это означало лишь одно: между двумя первыми лицами управы уже достигнуто какое-то тайное соглашение.

А раз так, то даже если небо рухнет на землю, отвечать перед столицей все равно придется Сунь Жу, так что им-то какое до этого дело?

Заприметив, в каком унынии пребывают его подчиненные, Лэ Уя соизволил выдать им порцию дежурного утешения:

— Послушайте меня. Я вывел вас сегодня на улицу лишь ради того, чтобы вы обеспечили вашему судье достойное и грозное присутствие, лезть в драку от вас никто не требует. Это дело верное и прибыльное, исполните все как надо и по возвращении в управу получите щедрую награду. Так что повыше нос, веселее будьте.

Стражники лишь мысленно хмыкнули: «Так мы тебе и поверили, черт».

Однако иного пути у них все равно не оставалось.

К тому моменту их отряд уже обогнул здание и остановился прямо перед парадными дверями игорного дома «Цзисян». Стражники переглянулись между собой и, убедившись, что в головах у всех зреет одна и та же мысль, один из них решительно вырвался вперед, намертво отбросив все сомнения, и принялся со всей силы колотить кулаками в дубовые створки, истошно крича:

— Именем закона, отворяй! Судебный обыск!

Притоны Ли Асы в обычное время всегда держали при себе целую свору вышибал и наемных головорезов. Услышав, что посреди белого дня кто-то имеет дерзость ломиться к ним с криками, несколько дюжих верзил с наливающимися кровью мускулами, вооружившись дубинками, с грязной бранью выскочили на порог.

Однако стоило громилам разглядеть на незваных гостях официальные судебские платья, как вся их спесь и боевой задор мгновенно испарились.

Оказывать открытое вооруженное сопротивление представителям власти у них кишка была тонка.

Лэ Уя грациозно и ловко соскочил с седла на землю:

— Где ваш управляющий?

Главный приказчик не заставил себя долго ждать и поспешил явиться на зов.

Это был на редкость худой, бледный мужчина лет тридцати с аккуратной ухоженной бородкой, чье лицо лучилось абсолютным дружелюбием, он ни капли не походил на грубого коренастого мясника Ли Асы.

Непрестанно утирая капли пота со лба, он первым делом по всем правилам опустился на колени в почтительном поклоне, после чего поднялся и, нацепив на лицо самую радушную улыбку, слащаво пропел:

— Господин судья Вэньжэнь, какими судьбами? Что привело вас в наши скромные края в столь урочный час?

Лэ Уя смерил его холодным взглядом:

— А ты еще кто такой?

— Ничтожного раба зовут Ли Цин, — стоявший перед ним мужчина говорил с неизменной мягкой улыбкой, от которой на душе становилось тепло, точно от весеннего ветра. — Мой дядя попросил меня присмотреть за этим заведением, и я никак не ожидал, что сегодня сподоблюсь лицезреть господина судью Вэньжэня. Поистине, для ничтожного раба это величайшая удача, дарованная самой судьбой за три прошлые жизни.

Лэ Уя лишь неопределенно хмыкнул.

Этого мимолетного мгновения ему вполне хватило, чтобы составить о собеседнике четкое представление.

Человек, способный в одиночку держать в узде целую банду головорезов в огромном притоне, по определению не мог быть невинным ягненком.

Перед ним стоял классический пример прожженного пройдохи: сладкоречивый, но жестокий сердцем хитрец, способный выскользнуть из любой петли.

С подобными деятелями бессмысленно играть в словесные прятки, ведь в этом искусстве они сами собаку съели.

Лэ Уя мягко улыбнулся:

— В таком случае ты поторопился с радостью. Встреча со мной сегодня не сулит тебе ничего хорошего.

Заприметив, что этот хлипкий с виду судья пришел явно не с миром, Ли Цин быстро повел глазами по сторонам. Вокруг уже собралась внушительная толпа зевак, при которых вести сколь-нибудь серьезные разговоры и решать дела было недопустимо, а потому он угодливо склонился в пояс:

— Судья, на улице нынче прохладно, прошу, пожалуйста внутрь, согрейтесь у очага.

— Неужто тебе холодно? — Лэ Уя проигнорировал его приглашение и задал совершенно неожиданный вопрос: — Кстати говоря, грамоте-то обучен? Читать умеешь?

Ли Цин, так и не разгадав замысла начальника, скромно отозвался:

— Кое-какие знаки разобрать способен.

Лэ Уя неторопливым движением извлек из широкого рукава запечатанное письмо:

— Прочти-ка вслух. Заодно и согреешься.

Ли Цин опешил:

— ...Прямо здесь?

Стоявший неподалеку хозяин чайной лавки проявил редкую услужливость. Он шустро подбежал к судейскому коню, неся в руках низкую деревянную табуретку, и почтительно предложил ее Лэ Уя.

Лэ Уя вальяжно усадился на место и утвердительно кивнул:

— Да, именно здесь.

Ли Цин торопливо развернул плотную бумагу, однако зачитывать текст во всеуслышание не решился. Он быстро пробежал глазами по строчкам, и в то же мгновение его лицо мертвенно побледнело.

Кто-то подал официальную жалобу на игорный дом «Цзисян»... обвиняя хозяев в хранении запрещенной литературы?!

Случись подобная беда в любое иное время, Ли Цин благодаря своему искусному красноречию

и подвешенному языку еще сумел бы выкрутиться, найдя парочку веских оправданий. Но сейчас, когда весь уезд только и гудел, что о деле ученого Мина, следствие по которому еще не было завершено, угодить в эту воронку означало верную плаху и истребление всего рода под корень!

Дело принимало слишком чудовищный оборот, и крутить хвостом дальше было смерти подобно.

Каждое мгновение промедления лишь усугубляло подозрения властей!

Позабыв о глазающей со всех сторон толпе, Ли Цин с глухим стуком рухнул коленями прямо в уличную грязь. Однако признавать обвинения в мятеже на глазах у сотен любопытных горожан он не посмел, а потому лишь заикающимся, дрожащим голосом выдавил:

— Господин судья, явите милость, рассудите здраво! Мы... мы ни в чем...

Не прошло и пары мгновений, как по его лицу и спине градом покатился холодный пот: парень согрелся по-настоящему, без всякого очага.

— Едва услышав об этом доносе, я поначалу отнесся к нему с полным доверием, ведь мы с вашим кланом прежде дел не вели. Однако заместитель Сунь Жу клятвенно поручился за вашу благонадежность, и лишь поэтому я не стал отправлять отряд стражников, дабы те перевернули здесь все вверх дном. Опасаясь проявить чрезмерную суровость, я предпочел явиться лично и взглянуть на все своими глазами, — Лэ Уя заговорил обманчиво мягким, вкрадчивым тоном, в точности копируя манеру речи прежнего Вэньжэнь Юэ. — Однако в мою управу поступила официальная жалоба, и закрыть на нее глаза я не имею права. Поступим так: ты самолично перепишешь и соберешь все имущество притона, после чего доставишь опись и ценности в управу. Это избавит меня от необходимости вламываться внутрь с солдатами, что выглядело бы крайне некрасиво.

Едва дослушав до этого места, Ли Цин ощутил, как с его души свалился огромный камень.

Этот барин фактически даровал им путь к спасению!

В искусстве улавливать скрытый смысл речей Ли Цину не было равных.

Слова судьи он истолковал однозначно: управа получила смертельно опасный донос, но, памятуя о бывлых щедрых подношениях и дружбе, не пожелала доводить дело до плахи и истребления рода Ли. А потому начальник умышленно протянул им соломинку.

Прикрываясь обыском, судья фактически выделил им драгоценное время, дабы они успели прибрать за собой!

Даже если в стенах заведения и завалилась какая-то грязная улика, они успеют уничтожить ее до того, как в притон явятся ревизоры.

Вот только за столь щедрую милость и личный визит уездного судьи их клану явно придется отдать добрую половину своих сбережений.

Впрочем, это были сущие пустяки.

Потеря монет, способная уберечь от смертельной петли, — беда небольшая!

И точно, в следующее мгновение Лэ Уя ласково и спокойно продолжил:

— С сегодняшнего дня этот ваш «Цзисян» должен быть закрыт раз и навсегда. Наш Великий Предок более всего ненавидел игорный промысел. От него люди в лучшем случае опускаются на дно, а в худшем — рушатся целые семьи. Дело это бесчестное и дурное.

Как только окаменевшее лицо Ли Цина слегка расслабилось, Лэ Уя небрежно добавил:

— Да, и всех здешних игроков мы тоже забираем с собой. Уложения Великой Ю строго-настрого запрещают азартные игры. У каждого, кто сел за стол, надлежит изъять все личные сбережения и монеты, забить в колодки на трое суток, а после — ждать, пока родня принесет выкуп. Людей у меня сегодня маловато, так что будь добр, скрути эту публику сам и доставь в управу в полном составе.

В таком положении Ли Цину было уже не до чужих кошельков и наживы, а потому он принялся испуганно и усердно поддакивать.

Едва выказав полную покорность, Ли Цин резко развернулся к застывшим позади него вышибалам и властно гаркнул:

— Чего рты разинули?! Живее помогайте господину судье вязать этих паршивцев!

Громилы перечить не посмели и гурьбой бросились внутрь притона.

Спустя мгновение оттуда донеслись крики, грохот и истошный визг, в заведении началась полнейшая неразбериха.

Собравшиеся вокруг горожане понятия не имели, что именно было прописано в том письме. Они видели лишь одно: их уездный начальник привел с собой всего троих стражников, перекинулся парой слов и намертво прижал к ногтю этого спесивого управляющего Ли Цина, который обычно ходил по Наньтину королем. Тот теперь и пикнуть не смел.

Ну и величие у нашего судьи!

Среди толпы нашлось немало тех, кто люто ненавидел этот притон, пустивший по миру множество честных семей, да и просто завистников хватало. А потому, завидев, как судья в два счета прикрыл лавочку, люди вокруг принялись наперебой и громко ликовать.

Лэ Уя слегка повернул голову к онемевшим от удивления стражникам и заговорщицки шепнул:

— Ну что, я ведь обещал, что мараить руки вам не придется?

Не дав им опомниться, он размеренно продолжил:

— От всего изъятого сегодня добра, сколько бы там ни вышло, вам пятерым полагается ровно одна десятая часть. Довольны?

Договорив, он отвернулся, даже не взглянув на их ошалевшие от безумной радости лица.

Оставшиеся девять десятых...

Лэ Уя опустил взор на разбитую уличную мостовую под ногами.

Ну и глушь, эту дорогу давно пора перекопать и вымостить заново.

Надо будет при случае шепнуть Вэньжэнь Юэ, пускай не забудет заняться этим делом, когда вернет себе тело.

Пока Лэ Уя предавался размышлениям, тишину внезапно разорвал грохот.

Какой-то человек с размаху вышиб лбом незапертые парадные двери и, спотыкаясь, вылетел на крыльцо, едва не сбив с ног стоявшего спиной Ли Цина.

Беглец был невысок ростом, его глаза лихорадочно блестели, а к груди он судорожно прижимал целую охапку серебряных монет, среди которых позвякивали семь или восемь игральные кости.

Вслед за ним из глубин притона донесся яростный, громоподобный рык:

— Гэ Эрцы, пес шелудивый, жить надоело?! Как ты посмел воровать добро «Цзисяна»?!

Гэ Эрцы даже не подумал обернуться. Он ловко, словно выюн, скользнул в гущу толпы и

бросился наутек.

Трое оставшихся стражников, чьи сердца еще секунду назад растаяли от обещания щедрой награды, теперь буквально горели боевым задором. Самый старый из них зычно гаркнул, и двое молодых гвардейцев огромными скачками бросились в погоню, оставив ветерана охранять Лэ Уя ради его безопасности.

Пожилой служащий повернулся к Лэ Уя:

— Судья, не извольте беспокоиться, этот оборванец далеко не уй...

Слова застряли у него в горле.

Лэ Уя уже успел подняться с табурета. В его руках откуда-то возник лук, стрела была наложена на тетиву, а сам он, слегка склонив голову набок, уверенно ловил в прицел бегущего Гэ Эрцы.

Прежде чем толпа успела сообразить, что происходит, и с истошными криками бросилась врассыпную, раздался чистый, звонкий свист выпущенной стрелы. Снаряд, казалось, нес в себе мощь, способную пробить облака и расколоть скалы, и устремился прямо вдогонку за беглецом.

Гэ Эрцы мчался во весь дух, как вдруг его правая нога подкосилась. Тело его по инерции нелепо подалось вперед, и он с размаху рухнул лицом в дорожную пыль, растеряв по мостовой все украденное золото и серебро.

Дикая боль вперемешку с животным ужасом мгновенно накрыли его с головой. Парень судорожно обхватил руками залитую кровью голень и истошно завыл на всю улицу:

— О-о-о... Убивают! Люди добрые, помогите, порешить средь бела дня удумали!

Старый стражник за это время успел досконально зафиксировать каждое движение своего начальника.

Сегодняшний уездный судья вообще вел себя на редкость странно — вылитый капризный барич из знатного рода, полный бьющей через край энергии и задора.

Однако стоило ему взять в руки боевой лук, как вся веселость и лукавство вмиг испарились с его лица.

Служащий сам неплохо владел оружием и отчетливо заметил: когда судья вскинул лук, изначально наконечник стрелы был нацелен ровно в лопатки Гэ Эрцы — выстрел вышел бы

смертельным и бьющим без промаха.

Начальник выждал лишь мгновение, скорректировал прицел и лишь тогда всадил стрелу парню в ногу.

И стоило снаряду сорваться с тетивы, как на его губы вновь вернулась прежняя беззаботная улыбка.

Этот ветеран воочию созерцал всю перемену его лица, и от увиденного у него по коже пробежал ледяной мороз.

Ему показалось, что эта веселость начальника была слишком неестественной и пугающей, словно на лицо парня была наглухо приколочена чужая бездушная маска.

Лэ Уя с усмешкой повернулся к онемевшему стражнику:

— Скажи-ка мне, разбой и грабеж чужого имущества, согласно уложениям Великой Ю, на сколько лет каторги тянут?

Служащий поспешно опустил голову, не отваживаясь больше смотреть в глаза этому с виду хлипкому книжнику:

— ...Как господин судья пожелает, так тому и быть.

Среди гомонящей толпы один человек в глубоком дорожном капюшоне слегка поправил края одежды и бесшумно растворился в переулках.

Не успела остыть и чашка чая, как двое высокопоставленных принцев империи, прибывших сюда с тайной ревизией, уже во всех подробностях знали о случившемся у ворот притона.

— Уездный судья самолично ловит преступников прямо на мостовой? — Седьмой принц удивленно вскинул брови и повернулся к Шестому брату. — Шестой брат, а ведь эта история звучит весьма любопытно.

Шестой принц в этот момент сосредоточенно пригубил чай и после недолгой паузы веско подтвердил:

— Да, весьма.

Седьмой принц помрачнел.

Разговор с этим молчаливым сухарем не клеился, а потому он повернулся к застывшему рядом гвардейцу:

— В судейскую управу пока не пойдем. Нам с Шестым братом сперва хочется воочию поглядеть, что за чудной человек этот уездный начальник.

<http://bllate.org/book/18193/1786011>